

МАРИНА СЕРОВА

**На брудершафт
со смертью**

Серия
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

На брудершафт со смертью

«Научная книга»

2010

Серова М. С.

На брудершафт со смертью / М. С. Серова — «Научная книга», 2010 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Никто из дотошных соседей не видел, как менялся облик жены бизнесмена Альберта Заманского, ждущей появления ребенка. Беременности словно не бывало! Впрочем, все разговоры за спиной меркнут перед лицом настоящей беды: долгожданный малыш пропал – его украли. Обратившись к частному детективу Татьяне Ивановой с просьбой разыскать младенца, чета Заманских поставила ей условие: ни в коем случае не прибегать к помощи милиции. Чем вызвана такая неожиданная просьба? Как у женщины, страдающей хроническим бесплодием, появился ребенок? Для Тани Ивановой не существует нераскрытых тайн. Но что же ей теперь делать с разгадкой?..

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

На брудершафт со смертью

ГЛАВА 1

Итак, сегодня я встала в восемь утра – довольно раннее для меня время, если не веду дело, – приняла душ, сварила чашечку кофе и отправилась по давно отработанному маршруту: тренажерный зал – бассейн – массажный кабинет – парикмахерская. Закончив приятное «хождение по мукам» и перекусив в кафе, я отправилась домой. Моя привычная физическая форма резко контрастировала с расслабленно-безмятежным состоянием души. Я уже строила планы на завтра: сейчас созвонюсь с Ленкой, моей бессребреницей-подружкой, и завтра загудим. Может быть, даже удастся вытащить ее в какой-нибудь ночной клуб типа «Пирамиды» или «Ротонды», а уж там оторваться...

Из этого душевного благолепия меня вывело созерцание шикарной «Ауди-6», стоящей у подъезда. Увы, я равнодушна к хорошим машинам, хотя на данный момент меня вполне устраивала моя многострадальная «девятка», верный конь, не раз спасавший свою хозяйку.

«И к кому бы это такие гости?» – пронеслось в голове.

Через полминуты, когда я поднялась на лифте на свой этаж, вопрос этот без труда разрешился: гости, оказывается, ко мне. Они стояли у входа в лифт, готовые, видимо, спуститься, и только мое появление остановило их. Мгновенного взгляда хватило, чтобы понять, что это супружеская чета, именно чета, более точного слова не подберешь, настолько оба подходили друг к другу: высокие, статные, обоим не более тридцати, добротны, со вкусом одетые и явно чем-то взволнованные.

– Извините, вы случайно не Татьяна Иванова? – обратился ко мне мужчина.

– Да, это я.

– Татьяна, вы сейчас свободны? Можно с вами поговорить?

Я пару секунд помедлила с ответом: уж очень не хотелось ввязываться в новое дело – «счастье было так возможно», так заманчивы были планы на завтра! Однако что-то удержало меня от немедленного решения, видно, необычная взволнованность посетителей. К тому же, судя по виду и машине, стоящей внизу, я вычислила, что люди ко мне пожаловали состоятельные, а значит – подходящие клиенты. Наверное, я все-таки корыстный человек, потому что именно последний довод заставил меня кивнуть и гостеприимно распахнуть перед ними свою дверь.

Я предложила гостям раздеться и пройти в комнату, сама же на пару минут привычно задержалась перед зеркалом, приводя в порядок длинные светлые волосы, которые, впрочем, не очень в этом нуждались после парикмахерской. Таким образом я сама настраивалась на разговор и давала возможность гостям освоиться в новой для них обстановке.

Удобно расположившись в кресле напротив супругов, я попросила:

– Представьтесь, пожалуйста, а то не знаю, как к вам обращаться, и расскажите, что привело вас сюда.

– Я – Заманский Альберт Львович, заместитель директора коммерческой фирмы «Антарекс», а супругу мою зовут Софья Михайловна.

– Можно просто Софья, – поправила мужа супруга.

– Мы к вам с очень деликатной просьбой, – продолжал Альберт Львович. – Сегодня утром... украли нашего трехмесячного сына. – По всему было видно, что эта фраза далась ему с трудом.

– Извините, но киднеппинг – прерогатива милиции, я этим не занимаюсь. – Я попыталась встать, давая понять, что аудиенция закончена.

– Пожалуйста, выслушайте нас, – вступила в разговор Софья. – Буквально через полчаса после кражи, когда мы, обежав с няней весь ближайший район, вернулись домой и собирались вызывать милицию, раздался телефонный звонок. Звонила женщина. Она сказала следующее: «С ребенком все в порядке, не волнуйтесь, я ему зла не причиню, но, если вы подключите к розыску милицию, я вам не смогу ничего гарантировать». Понимаете, я была так взволнована, что ничего не успела ответить. – Софья едва сдерживала слезы.

– Соня позвонила мне и отцу, – продолжил Альберт Львович, – мы посоветовались и решили: милиция поднимет шум, и тогда никто не сможет гарантировать безопасность ребенка. Нужен частный детектив. Обзвонив друзей, мы вышли на вас. Вы возьметесь за наше дело? – Оба с мольбой смотрели на меня.

– Расскажите по порядку, как это случилось, – попросила я, пока не отвечая на вопрос.

Я, как правило, никогда не соглашаюсь сразу браться за дело, но здесь отвечать надо решительно и не тянуть: сложилась ситуация чрезвычайная – слишком мал был ребенок, и долгое отсутствие матери могло окончиться для него трагично. К тому же никто не знал цели похищения, которая могла быть самой непредсказуемой и трагичной.

– Катя, наша няня, – начала Софья, – гуляла с Левушкой около дома. К ней подошла женщина, кстати, вышедшая из нашего подъезда, и сказала, что я зачем-то прошу Катю подняться домой, и предложила, пока она сбегает, постоять с коляской. Ей пришлось подниматься на седьмой этаж по лестнице – лифт не работал. Узнав, что я ее не звала, Катя очень испугалась и побежала вниз, ничего не сказав мне. Коляска стояла внизу в подъезде, а Левушка исчез. Катя прибежала домой вся в слезах и все рассказала. Дальше вы знаете: поиски и этот звонок, теперь я не знаю, что и думать...

Мне необходимо было знать малейшие детали, поэтому я спросила:

– Вы кого-нибудь подозреваете, у вас есть враги?

– Ну что вы, мы люди совсем не конфликтные, – не раздумывая ответил Заманский.

– Альберт, а ты помнишь, на днях тебе кто-то звонил и, кажется, угрожал, – напомнила мужу Софья.

– Да нет, те люди не пойдут на такое, тем более уже все должно быть улажено, это обычные дела фирмы. – Альберт Львович слегка сморщился.

Решив, что для начала я узнала вполне достаточно и что надо сразу расставить все точки над «i»: о своих интересах я не забывала никогда, – я предложила:

– Давайте пока прервемся. Судя по звонку, с ребенком, полагаю, пока все в порядке. Через час я вам перезвоню, и, если я возьмусь за дело, мы уточним кое-какие детали, может, за время вашего отсутствия выявились новые обстоятельства. Кстати, у вас есть кто-то дома, ведь могут позвонить и предъявить требования?

– Да, да, у нас там Катя, она чувствует себя очень виноватой во всем случившемся, – поспешно ответила Софья.

– Оставьте мне свои координаты, адрес и телефон. Я хочу вас предупредить, что мои услуги весьма недешевы: двести долларов за сутки и оплата текущих расходов. Вас это устраивает? – Я вопросительно посмотрела на Альберта Львовича.

– Да, нас предупреждали, мы согласны со всеми условиями и очень на вас надеемся, только, ради бога, найдите сына!

– Татьяна, умоляем вас! – На лице Софьи Михайловны застыло страдальческое выражение.

Закрыв за посетителями дверь, я прошла в комнату и достала свой заветный мешочек с косточками, тремя двенадцатигранниками, которые всегда помогали мне в сложных ситуациях принимать важные решения. Все зависело от того, какие цифры выпадут при бросании. А

так как этим гаданием я пользовалась довольно часто, значения многочисленных цифровых комбинаций уже помнила наизусть. Я молила косточки, чтобы они дали положительный ответ на вопрос о том, стоит ли приниматься за это дело: ведь я им уже загорелась, к тому же все, что касается детей, для меня всегда свято. И косточки меня не подвели. Выпала комбинация: 16+26+6 – «Ведите себя так, чтобы, сохранив достоинство, пойти на разумный компромисс и быть оцененной по делам своим». Ну что ж, раз предостережений нет, значит, сама судьба решила: берусь!

Ровно через час я позвонила Заманским. Узнав, что никаких новостей нет, сообщила о своем согласии начать расследование, уточнила кое-какие детали, в частности, узнала адрес фирмы, которую намеревалась посетить завтра с утра.

Последний телефонный звонок был моему давнему другу Кирсанову. В отличие от меня, вольной натуры, часто идущей на компромиссы, если того требовали мои интересы, Киря был образцовым законником. Он работал в прокуратуре, и я часто пользовалась его услугами – в рамках закона, разумеется. В свою очередь, я не раз предоставляла ему результаты своих исследований, естественно, не в ущерб своим клиентам, и наши доблестные законники доделывали за меня черновую работу по расчистке общества от криминала. Так что интерес у нас был взаимный, а отношения корыстно-бескорыстные.

В данный момент меня интересовала сводка происшествий за прошедший день. Через десять минут Кирсанов мне перезвонил, и я облегченно вздохнула: ничего связанного с младенцами или их трупам в сводке не значилось.

Перед сном я прикинула план на завтра: фирма, опрос няни, потерпевших, остальное – по обстоятельствам.

Ну вот и ладушки. Завтра начинаю.

Левушка! Я найду тебя!

ГЛАВА 2

Утром, позвонив клиентам домой и узнав, что ничего нового не произошло, я решила действовать по составленному накануне плану. Итак, под первым номером – фирма. Не то что я надеялась там что-нибудь накопать, но и эту версию необходимо было проверить: неизвестный телефонный звонок с угрозами мне не понравился. Однако не в пользу этой версии было то, что до сих пор не поступило никаких требований от похитителей.

Интересующая меня фирма «Антарекс» находилась на одной из центральных улиц города. Я подъехала туда в половине девятого утра. Открыв массивную дверь, которая, как ни странно, легко поддалась, я попала в просторный вестибюль. С правой стороны за столиком сидел охранник. Он поднялся мне навстречу и вежливо поинтересовался, кто я и к кому. Из утреннего телефонного звонка я знала, что Альберта Львовича сегодня в фирме не будет, так как он «не в состоянии работать, и нужно поддержать Соню», поэтому я назвала фамилию директора фирмы, отца Софьи. Охранник связался по телефону с шефом и, получив «добро», объяснил мне, как добраться до нужного кабинета.

В секретарской миловидная девушка быстро печатала на машинке и, ответив на приветствие, пропела:

– Михаил Самуилович ждет вас.

Постучав и дождавшись ответа, я переступила порог просторного кабинета, обставленного в современном офисно-деловом стиле. У двери меня встретил приятный мужчина лет пятидесяти. В нем чувствовалась врожденная интеллигентность, я бы сказала порода, которую не приобретешь ни за какие деньги, это дается свыше. Он приветливо обратился ко мне:

– Вы Татьяна? Мне позвонила Софья и предупредила о вашем визите.

Мы уселись в мягкие кресла.

– Спрашивайте, Танечка, что вас интересует, но, думаю, вряд ли стоит связывать эту историю с делами фирмы. А вообще, я так и полагал, что они еще хлебнут с этим ребенком. – Что-то не очень лестно о внуке, к тому же какие нервы! Пропал малыш, а он спокоен, как удав, – мелькнуло в голове.

– Почему вы так полагали? – с ударением на последнем слове спросила я.

– Да нет, это я к слову, – видно, поняв, что сказал что-то не то, поправился Михаил Самуилович. – Так что вам, Танечка, конкретно хочется знать?

– Софья Михайловна говорила, что были телефонные звонки с угрозами. С чем это может быть связано? – Я вопросительно посмотрела на собеседника.

– Попытаюсь объяснить, – неторопливо начал он, – в общем, так: в наш бизнес пытались вторгнуться посторонние, они хотели взять нас нахрапом, на испуг, но теперь уж не начало девяностых годов и, как вы понимаете, сферы влияния давно поделены. Самозванцев вежливо попросили. Поверьте, все уже улажено, и я стопроцентно уверен, что тут нет никакой связи с исчезновением ребенка.

Не верить ему у меня не было оснований. Еще минут пять мило побеседовав и выпив по чашечке кофе, мы распрощались.

Интуиция с самого начала подсказывала мне, что я тяну пустышку с этой фирмой, но ведь любую версию, чтобы исключить полностью, необходимо проверить. И все-таки что-то в этом разговоре мне не понравилось, осталась какая-то недоговоренность. А может, показалось? Ладно, пока идет этап сбора информации, поэтому анализировать следует позже, тем более что я уже подъезжала к дому Заманских, и нужно было настраиваться на разговор с ними и Катей.

* * *

Дверь мне открыла девушка лет двадцати пяти, как я догадалась, это и была Катя, няня Левушки. По осунувшемуся заплаканному лицу видно было, что ночь она провела не лучшим образом. Войдя в квартиру, я попала в просторный холл со встроенными шкафами и огромными зеркалами, зрительно увеличивающими его объем. Услышав мой голос, вышел Альберт Львович. Он помог мне раздеться и пригласил в гостиную, которая, несмотря на солидные размеры, выглядела очень уютно, благодаря уголку с мягкой мебелью, большому количеству цветов и огромному мягкому ковру, устилающему пол.

На второй этаж из гостиной вела оригинальная винтовая лестница, органично вписываясь в общий интерьер.

– Мы сегодня ночью глаз не сомкнули, – начал разговор хозяин дома. – У Софьи разболелась голова, и она с полчаса назад прилегла в детской. Катя тоже не спала, но я попросил ее подождать вас, ведь вы хотите с ней поговорить?

– Да, обязательно, и, если можно, наедине, – попросила я.

– Конечно, можно, проходите в мой кабинет, а я пока поднимусь к жене, узнаю, как она.

В кабинете мы присели на кожаный диванчик, и я попросила Катю рассказать, как все случилось. Она повторила то, что мне уже было известно, а я хотела услышать от нее, как выглядела женщина, похитившая ребенка.

– Знаете, Татьяна, – в раздумье начала Катя, – я очень плохо запоминаю лица и всегда удивляюсь людям, которым достаточно мимолетного взгляда на человека, чтобы потом составить фоторобот человека. К тому же я не думала тогда, что мне потребуется запомнить ее внешность. Все произошло так быстро! Единственное, что могу сказать: это женщина молодая. Ну, во всяком случае, до тридцати, светлая, худенькая, одета в кожаный плащ с капюшоном, такие сейчас на каждой женщине. Это все. Я, честное слово, не знаю, чем вам помочь, мне так стыдно перед хозяевами: они так переживают... И для меня за эти три месяца Левушка стал родным...

Она расплакалась, потом, немного успокоившись, продолжила:

– Я ведь с ним с первого дня после выписки хозяйки из роддома. Софье Михайловне делали кесарево сечение, поэтому ей нельзя поднимать ничего тяжелого. Шов очень долго не заживал, и она постоянно ходила в поликлинику на проверку, а дома я помогала обрабатывать рану. Поэтому Левушка, как вы понимаете, целиком был на моих руках.

– А Софья кормила мальчика? – поинтересовалась я.

– Нет, – Катя покачала головой, – Левушка стопроцентный искусственник: у Софьи Михайловны с самого начала не было молока, а может, не захотела кормить, ведь есть такие мамы, которые не хотят портить фигуру, а она у нее хорошая. Знаете, она будто и не рожала: живот совсем после родов не растянулся. Но, по-моему, у нее все-таки с самого начала не было молока... Татьяна, очень прошу: найдите Левушку, я как подумаю, что он где-то в чужих руках... – Девушка опять расплакалась.

Мне ее было очень жаль, но необходимо было задать еще один вопрос, и я его задала:

– Катя, ты никого не встретила в подъезде или на улице, когда первый раз выбежала и не обнаружила Левушку?

– Нет, ведь уже конец ноября, гуляют только с детьми, а всевидящие бабушки-старушки на лавочках уже не сидят. Хотя погодите, – вдруг вспомнила она. – По лестнице, когда я сбегала вниз, поднималась соседка с нашего этажа, Анна Павловна. Может, она видела эту женщину, я что-то об этом и не подумала?

Решив, что больше из этой беседы я ничего не узнаю, я уточнила квартиру, где жила соседка, и сказала:

– Катюша, тебе нужно отдохнуть и успокоиться, все кончится хорошо, поверь мне!

Мы вышли в гостиную, там уже в нетерпении поджидал Альберт Львович. Когда Катя ушла домой, он передал мне конверт, пояснив:

– Здесь тысяча, хватит пока?

Я утвердительно кивнула, прикинув, что денег, возможно, хватит не только на «пока».

– Софья прилегла в детской, – повторил Заманский, – и наконец-то уснула. Если можно, не будем пока ее беспокоить?

– Конечно, – согласилась я, – пусть отдохнет, да и к вам у меня в общем-то немного вопросов. Может быть, мой вопрос покажется странным, но мне важно знать ваше мнение. Как вы считаете, хотели украсть именно вашего малыша или просто взяли первого попавшегося? И еще: не могла ли эта девушка или женщина, которая украла ребенка, иметь к вашей семье какие-то претензии, обиды? Вспомните, Альберт Львович, это очень важно.

– Но ведь я даже не представляю, о какой девушке или женщине идет речь, – удивился он.

– Катя сказала, что это была светловолосая, худенькая женщина...

Что-то мгновенно изменилось в лице моего собеседника, но он быстро овладел собой и сухо ответил:

– У меня таких знакомых нет, у Софьи – тоже.

Наш разговор прервал звонок. Альберт подошел к телефону, но разговаривал как-то напряженно, отвечал односложно: «Да... нет... она сейчас только уснула... нет...» И повесил трубку, пояснив, что звонил отец Софьи, беспокоится, как дела, что нового. Затем он как-то засуетился и попросил:

– Татьяна, подождите минутку, мне необходимо позвонить в фирму, я сейчас вернусь.

Он пошел по лестнице наверх, видимо, в спальню. Я поняла одно: Альберт Львович почему-то не хочет, чтобы я слышала разговор, а значит, мне необходимо его услышать. Возможно, появится хоть какая-нибудь ниточка, может, он что-то вспомнил, когда я описала внешность женщины. Теперь важно успеть примерно одновременно с ним поднять трубку, в противном случае хозяин дома может услышать щелчок и заподозрить меня в подслушивании. Конечно же, я мастерски проделала это – есть опыт – и стала свидетельницей не совсем понятного разговора.

– Родильное отделение, приемная Берсутского.

– Здравствуйте, позовите, пожалуйста, Бориса Леонидовича.

– Алло, я слушаю, – после непродолжительной паузы ответил мужской голос.

– Борис, это Альберт. Боря, ты не в курсе, как там Ольга, она еще на Алтынке?

– Не знаю, давно не звонил. А что случилось?

– Да нет, ничего. Просто хотел узнать, как ее здоровье. Боря, у меня к тебе просьба: позвони туда, узнай все, а потом сразу же перезвони мне, я буду ждать.

– Что, опять любовь проснулась, навестить хочешь?

– Боря, извини, но твои шутки неуместны.

– Ладно, не обижайся, жди звонка.

Я опять постаралась положить трубку одновременно с Альбертом. Так... Разговор явно интересный, необходимо запомнить его детали. Я мысленно повторила: родильное отделение. Берсутский Борис Леонидович. Алтынка. Хотя каждый житель Тарасова знает, что это местная психушка. Ольга. Все запомнила точно, память меня не подводит никогда. После всего этого, правда, появилось больше вопросов, нежели ответов, но раздумывать было некогда.

– Ну как, в фирме все в порядке? – встретила я вопросом возвратившегося хозяина.

– Да, нормально.

Теперь мне необходимо задержаться до звонка мистера «икс» – Бориса, и я спросила:

– Альберт Львович, скажите, а кто-нибудь помогает вам, у вас ведь такая большая квартира?

– Да, два раза в неделю приходит женщина: она стирает и убирает, а готовит Сонечка сама: кухня – ее епархия, она к плите никого не подпускает.

Затем он поведал мне, что таких двухуровневых квартир в доме всего несколько, остальные хоть и улучшенной планировки, но простые. Наконец раздался долгожданный телефонный звонок. Альберт Львович нетерпеливо схватил трубку, долго слушал, что ему говорили, потом спросил:

– Значит, возможно, скоро выпишут? Ладно, спасибо, до встречи, – облегченно сказал он и повесил трубку.

Пока других вопросов к хозяину дома у меня не возникло, вернее, вопросов было много, но я знала, что в данный момент он на них отвечать не станет: тут какая-то тайна, связанная с фирмой под названием «Роддом». Перед уходом я пообещала регулярно информировать Заманского о ходе расследования.

* * *

Следующий визит необходимо нанести соседке: вдруг она видела и запомнила женщину с ребенком. Я позвонила в дверь; слышались шаги, и дверной глазок потемнел: я стала объектом ее пристального изучения. Видимо, мои внешние данные все-таки внушали доверие, потому что дверь открылась. На пороге стояла пожилая женщина, что меня порадовало: эти бабушки-одуванчики бывают порой очень наблюдательными.

– Здравствуйте, вы Анна Павловна? – обратилась я к женщине.

Она кивнула, с интересом рассматривая меня.

– Анна Павловна, – продолжила я, – мне с вами необходимо поговорить, вы сейчас свободны?

– Ну что ж, коли нужно, раздевайтесь и проходите, – пригласила хозяйка, иронично заметив: – Я – пенсионерка, чего-чего, а времени хватает. Это у американцев время – деньги, а у нас только время, а денег нет.

Мы прошли в более чем скромную после апартаментов Заманских, но чистую и уютную комнату.

– Анна Павловна, – начала я, – вчера, часов в одиннадцать утра, возвращаясь из магазина, вы случайно не заметили женщину с ребенком?

– Заметила! Она меня чуть с ног не сбила, будто оглашенная выбежала с ребенком из подъезда. Разве можно так носиться с дитем на руках?

– А как она выглядела?

– Да я и не рассмотрела, она мчалась как ненормальная. А кто вы и что случилось?

Ну нет, уважаемая, кто я и зачем, вам не суждено знать – это не в моих интересах: сегодня же весь микрорайон по секрету будет знать о пропавшем мальчике. Нужно блефовать, и я умею это делать.

– Ничего не случилось, – успокоила я собеседницу, – просто надо найти эту женщину. Она – кормящая мать, увы, это сейчас не частое явление, и приходила вчера к вашим соседям предложить себя в качестве кормилицы. Я медсестра из детской поликлиники. Мы рекомендуем мамам, имеющим избыток молока, обращаться в состоятельные семьи, где дети – искусственники. Выгода, как вы понимаете, двойная, кормящим – дополнительные средства на питание – женское молоко очень дорогое, – детям-искусственникам – естественное вскармливание.

Моя буйная фантазия, кажется, существенно расширила рамки сервиса, предлагаемого детскими поликлиниками, и, воодушевившись началом, я продолжила:

– Вчера, когда эта женщина приходила, дверь открыла няня Заманских, – я знала, что Анна Павловна не видела Катю, гуляющую с ребенком, – и сказала, что они пользуются услугами молочной кухни. Хозяйка в это время принимала душ. Узнав, кто приходил, послала

няню вдогонку. Теперь они хотят найти эту женщину, обратились ко мне: мы-то ведь знаем всех кормящих в микрорайоне, но я понятия не имею, кто конкретно к ним приходил. Так вы не помните, как она выглядела?

– Нет, да я видела-то ее только в спину.

Так, здесь все ясно. Теперь нужно плавно перейти к разговору о семье Заманских. Мне надо знать о них побольше, может, хоть чуть приоткроется завеса тайны, а что какая-то тайна существует, мне подсказывала интуиция.

– Няне-то, наверно, досталось от хозяйки? – сочувственно обронила я.

– Не думаю, к ней в этой семье хорошо относятся. Катя вынянчила мальчика, да и добрая, уважительная она. Софья после тяжелых родов долго не могла отойти. Все лежало на Кате, она у них в семье словно родная и Левушку как своего любит. Детей-то у соседей долго не было. Софья долго не могла забеременеть, каждый год ездила в санаторий в Крым, где лечат женские болезни, забыла, как называется место-то... какое-то неблагозвучное название...

– Саки? – подсказала я.

– Да, Саки, – подхватила Анна Павловна. – А потом вроде сказали, что детей у нее вообще не будет, ну, да и врачи, видно, иногда ошибаются... А уж как Альберт Львович заботился о Сонечке, когда она носила ребеночка!..

– Беременность тяжело переносила? – поинтересовалась я.

– Да нет, не помню, чтобы жаловалась, да и с животом-то мы ее не видели. Она родила в конце августа, а все лето, с начала мая, они жили на даче.

– Откуда же вы знаете, что он заботится о ней?

– А как же! Каждый день после работы ездил за продуктами, постоянно возил ее на проверку в поликлинику, да и по нему видно, что заботливый. И ребеночка очень любит. Подойдет к коляске, когда Катя и Софья гуляют с Левушкой, и налюбоваться не может: все расспрашивает, как он вел себя, как кушал. Мало сейчас таких отцов, – горестно вздохнула Анна Павловна.

Больше мне задерживаться не имело смысла. К сожалению, после разговора с Анной Павловной описание примет, данных Катей, не увеличилось ни на йоту. Правда, я узнала кое-что из личной жизни своих клиентов, но трудно сказать, пригодятся ли мне эти сведения. Поблагодарив соседку Заманских за приятный разговор, я распрощалась.

ГЛАВА 3

Теперь мне необходимо продумать, как действовать дальше. Неплохо бы сейчас перекусить, а там, глядишь, и осенит, тем более что уже что-то крутилось у меня в голове. Что именно? Сейчас в машине мы и попытаемся это разузнать: магические косточки всегда со мной. Боевой конь ждал меня недалеко от дома Заманских, и дойти до него было делом одной минуты. Удобно устроившись, я завела машину, пусть мотор прогреется, и достала из сумки мешочек. Бросок.

29+18+5 – «Уделите побольше внимания собственной персоне». Ну спасибо, мои заботливые, а то желудок уже грозно рычать на меня начал, требуя работы. Сориентировавшись на местности, я выбрала небольшое кафе с названием «Улыбка» и решила улыбнуться вместе с хозяевами этого заведения. Через пять минут, припарковавшись у тротуара напротив входа в кафе, я доверила свой автомобиль сигнализации и пошла тревогодничать. До этого мне не приходилось бывать здесь, а жаль, ибо с первых шагов мне и в самом деле захотелось улыбнуться. Проход в зал был отделан в виде зеркальных колонн, расположенных под углом ко входу и выходу. Когда я вошла, навстречу шагнули шесть меня, изможденных и исхудавших, как только что освободившиеся из концлагеря. «Ага, это владельцы кафе уже улыбаться начали, кривые зеркала в фойе установили», – пронеслось в моей голове, и я утонула в море ароматов. Боже! Какое искушение! Но прежде необходимо вымыть руки. После минуты гигиены я прошла к свободному столику и опустилась на стул, услужливо отодвинутый официантом.

– Что будем кушать? В наше меню сегодня входит... – И на меня посыпалось...

– Гриль, кофе, больше ничего.

Пока я жевала свою курицу, кстати, довольно вкусную, мозг лихорадочно работал. Чертовщина какая-то получается: Софья не могла родить, а родила, даже шов после кесарева налицо, дед должен бы радоваться долгожданному внуку, а он ведет себя как-то странно. Альберт знает, что кого-то обидел, но молчит. И что же получается? Кругом – одни тайны. Мне платят, чтобы я Левушку искала, а информацией делиться не спешат. Похоже, у каждого в этой истории есть что скрывать друг от друга, а что-то общее – от меня. Нет, работать втемную я не привыкла и должна все тайны вокруг ребенка развеять.

Расплатившись, я пошла к выходу, еще не решив, куда сейчас направить свои стопы. Но тут очередная «улыбка» хозяев подсказала мне правильное решение. В фойе навстречу шагнули шесть меня, но таких упитанных, с огромными животами – этикие колобки. Видение было таким реальным, что я на всякий случай живот потрогала, и все шесть меня сделали то же самое. Вот тут решение мое и созрело: Софья непременно должна была наблюдаться где-то со своей беременностью. А где еще так много таких вот пузатеньких? В женской консультации, конечно.

Я должна там побывать, ведь может случиться, что она общалась с похитительницей в поликлинике или стационаре. В общем, все версии необходимо проверить, вдруг что-то да высветится. Так я думала, наверное, только правым полушарием, а в левом свербила другая мысль, ее-то мне и хотелось немедленно проверить.

* * *

До женской консультации я добралась быстро: в этих современных микрорайонах все под рукой. Когда за мной захлопнулась тяжелая дверь на тугой пружине, я оказалась в просторном холле. Слева располагался гардероб, дверцы окошка были закрыты, на одной половине была

прикреплена записка, которая гласила: «Гардероб закрыт на обед на десять минут, гардеробщица в регистратуре». Мне было очень на руку, что регистратура тоже обедала.

Заметив на стене график работы врачей и пробежав его глазами, я выбрала гинеколога с фамилией Болдина по той причине, что ее работа заканчивалась через пятнадцать минут, и рванула к регистратуре. Окошко было открыто, но за столом никого не оказалось: голоса и стук посуды доносились из-за шкафов с карточками. Я настойчиво постучала по стеклу. Из-за шкафа донеслось:

– Подождите десять минут, не горит.

Как можно требовательнее, но в то же время просяще я проговорила:

– Девушка, миленькая, найдите мне карточку, а то через пятнадцать минут доктор уходит. Она и так еле согласилась меня принять.

Поскольку такие обеденные перерывы у сотрудников бывают все-таки вне графика, из-за шкафа вышла тучная женщина с недовольным лицом.

– Быстро говорите фамилию, имя, отчество и адрес. Только карточку сами врачу понесете.

– Конечно, конечно! – Я радостно закивала. Заполучить заветную карточку на руки оказалось гораздо проще, чем я предполагала. Это еще раз подтверждало истину: главное – в нужное время оказаться в нужном месте.

Назвав данные Софьи и ее адрес, я ждала. Женщина быстро перебирала карточки, наконец, вытащила одну:

– Заманская? Софья Михайловна? Послеоперационная, что ли?

Я кивнула головой.

– Ну бегите, проверяйтесь. – И она подала в окошко объемистую историю болезни.

На глазах у регистраторши мне пришлось рвануть в сторону кабинетов, а когда она вернулась доедать свой обед, я тихонько проскользнула к выходу – читать буду в машине.

Теперь необходимо разобраться в написанном, что я и попыталась сделать, забравшись в машину на место рядом с водителем. Толстая карточка Софьи свидетельствовала о том, что, судя по всему, здоровьем в области гинекологии она не отличалась. Первые страницы восьмилетней давности меня не особенно интересовали. Из них ничего нового для себя я не узнала, только подтвердились слова соседки: все эти годы Софья лечилась от бесплодия.

Листая страницу за страницей, я проникалась к женщине сочувствием. Но вот мое внимание привлек лист УЗИ. Дата? Ага... есть: август прошлого года. Диагноз... Как эти врачи пишут: пяткой левой ноги, что ли? С трудом я расшифровала: фибромиома шести-семи недель. Рекомендовано оперативное лечение. Внизу под листком УЗИ уже другим почерком подтверждался диагноз и указывалось, что больная от операции на данный момент отказывается, и подпись Софьи. И последние записи трехмесячной давности. Больная направляется в пятую горбольницу, первое гинекологическое отделение для оперативного лечения. Диагноз: фибромиома – восемь недель.

Я закрыла карточку, положила ее на водительское сиденье и потерла виски. Чушь собачья получается: женщина, страдающая бесплодием, направляется с опухолью на операцию в первое гинекологическое отделение и возвращается из родильного отделения той же больницы уже с сыном. При этом все уверены, что Софья Михайловна перенесла тяжелые роды, хотя с животом на глазах соседей не появлялась.

Итак, мои клиенты скрыли от меня, что ребенок усыновлен, причем очень ловко, на глазах у всех, но никто ничего не заметил. Почему же все-таки Заманские скрыли это от меня? Меня распирало от злости: я целый час драгоценного времени потратила на то, чтобы установить известный им самим факт – ребенок усыновлен.

Неужели Заманские не понимали, что если у ребенка есть родная мать и если он отнят незаконно, то в ней могли проснуться материнские чувства. И что бы она сделала? Скорее

всего попробовала бы вернуть свое дитя, то есть становилась подозреваемой номер один. А может, Заманские уверены, что это невозможно?.. Думай, Танька, думай! Погоди-ка, а звонок Альберта в роддом и разговор о какой-то Ольге и дурдоме? Опять роддом. Все крутится вокруг него. А может, мои клиенты боятся разглашения именно из-за того, что мать Левушки психически больная? Тогда зачем они взяли такого ребенка? Наследственность – дело не последнее, такие образованные люди должны об этом знать. Нет, здесь что-то не так, мне это подсказывала интуиция. Почему тайну усыновления они хотели скрыть даже от детектива, которому платили немалые деньги? Все упиралось в роддом, значит, и там необходимо покопаться. Кому звонил Альберт? Борис Леонидович... фамилия... Моя феноменальная память и тут не подвела, выплюнув ответ: Берсутский. Чувствуется, роль его во всем этом не последняя. А по тому, как профессионально одна мамочка заменена другой, подобное продлевается не впервые. Процесс усыновления, насколько я помню из своей юридической практики, вопрос непростой и очень, очень долгий. А тут все происходит как по взмаху волшебной палочки. Не нравится мне все это, хоть и обставлено все профессионально. Мой чуткий нос уже уловил какой-то грязный душок. Решение окрепло: нужно выяснить роль этого Берсутского, роддома и Ольги. Кто она?

До клинического городка, где располагался роддом, ехать было минут двадцать. Времени вполне достаточно, чтобы придумать объяснение моего появления там. Сочинить, конечно, что-то можно, но не всегда реальность совпадает с буйной фантазией. Так получилось и в данном случае. Оказалось, чтобы попасть к Борису Леонидовичу, мне нужно преодолеть первое препятствие в виде секретарши – ее про себя я сразу окрестила гримзой. Заветную дверь она охраняла очень бдительно.

– Вы по какому вопросу?

– По личному.

– Он занят, и вообще, – она сделала жест рукой в сторону таблички на двери, – по личным – по четвергам, а сегодня среда, могу записать на следующий четверг, на этот уже все забито.

– Но вы узнайте, может...

– Не может, – резко оборвала она меня. Вот уж поистине настоящая гримза!

Секретарша уткнулась в компьютер, но при этом одним глазом не переставала следить за моими действиями: похоже, тут у меня не было никаких шансов. Все-таки с мужчинами находить общий язык куда проще. С ними главное – вовремя немного приоткрыть ножку, белокурый локон на пальчик задумчиво накрутить или скромно потупить глазки – все по обстоятельствам. А вот с такой мымрой, которая ненавидит тебя уже заранее только за то, что у тебя мордашка миловидная, фигура хорошая, а ей похвастаться нечем, с ней как разговаривать?

Мне надо было либо достойно отступить, либо использовать один из моих трюков. Отступать я не привыкла, значит...

– Извините за беспокойство... – Длинный нос секретарши дернулся, но и только: больше никакой реакции. – А по телефону я смогу записаться на прием?

Гримза молча ткнула пальцем в стену, что, должно быть, означало милостивое разрешение на звонок. Там висела табличка с номером телефона и ФИО этой крысоподобной особы. Хорошо, запомним.

– До свидания! – В ответ ни слова.

Идя к двери, я спиной чувствовала ее торжествующий взгляд.

Но смеется тот, кто смеется без последствий. Не будь я Татьяной Ивановой, если не добьюсь своего. Выйдя из приемной и оглядевшись, я направилась в конец коридора. Там, пристроившись на подоконнике, достала из сумки свой сотовый. На секунду задумалась, потом набрала номер приемной. Гримза сразу сняла трубку. Изменив голос, я быстро спросила:

– Муза Петровна? – И не давая ей опомниться: – Это из бухгалтерии, срочно зайдите к нам! – И нажала отбой.

Муза Петровна, похоже, была дамой исполнительной, поскольку через минуту дверь за ней уже захлопнулась. С удовольствием заметив, что направила ее на другой этаж, я бросилась к двери. Нельзя терять ни секунды, пока верный страж отсутствует. С разбега преодолев приемную, я ворвалась в вожделенный кабинет.

Хозяин его сидел за столом и читал какие-то бумаги. Мне с моим богатым опытом одного взгляда было достаточно, чтобы понять: этот меня не выставит. Это у кого-то все пути в храм ведут, а у мужчин подобного типа – все в секс. Борис Леонидович поднял голову и с интересом стал разглядывать меня. И чем дольше смотрел, тем более томным становился его взгляд. Прямо-таки кот перед блюдом со сметаной, вот-вот облизнется. И он облизнулся! Я могла быть уверена: разговор состоится, несмотря на неприятный день.

– Чем обязан? – любезно поинтересовался он.

– Извините, там в приемной никого не было, а мне нужно срочно с вами поговорить. – Я умоляюще смотрела на Берсутского.

Возможно, мой взгляд и действительно получился умоляющим, но только скорее то, что я не ошиблась в начальных предположениях в отношении Бориса Леонидовича. Он даже из-за стола поднялся, показав при этом свой рост – где-то около метра с кепкой – и солидное брюшко.

– Присаживайтесь. Такая очаровательная дама не должна стоять. – Он кивнул на диванчик у стены, а не на кресло возле стола. Это мне тоже понятно: хочет лицеизреть меня получше, по принципу: «лицом к лицу – лица не увидеть»... Ну что ж! Дам ему возможность построить воздушные замки, их даже рушить потом не придется. Поскольку кожаный плащ я оставила в гардеробе, мой теперешний наряд больше соответствовал ситуации – короткая юбка могла стать грозным оружием. Однако важно и не передозировать...

– Борис Леонидович, у меня к вам очень щекотливое дело, я даже не знаю, с чего начать.

– Я щекотки не боюсь, но для начала представься. – Вот так, сразу на «ты».

– Я – Татьяна, а фамилия вам пока ни к чему, если только согласитесь помочь, познакомимся поближе, – многообещающе произнесла я.

– Ну, говори, Танечка, чем же я могу тебе помочь.

Сделав вид, что колеблюсь, я неуверенно произнесла:

– Все дело в моей сестренке, ей всего шестнадцать лет...

– При чем здесь твоя сестра?

Я выпалила:

– Она беременна, а я за нее отвечаю. – Тут я сделала что-то между вздохом и всхлипом и на всякий случай приложила носовой платок к абсолютно сухим глазам. – Если родители узнают, ее... Я не знаю, что с ней будет.

– Так, а от меня ты чего хочешь? – В голосе появилось едва заметное похолодание. – На аборт, что ли, без ведома родителей?

– Да у нас родители в Самаре живут, но не в этом дело: я не хочу, чтобы она первого своего ребенка вот так... А главное – это для нее опасно. Я ее так люблю. – И опять сухие глаза промокнула.

– А чего же ты от меня-то хочешь? – повторил он свой вопрос.

– Скажите, а нельзя ли как-нибудь сделать так: родит она, а ребенка запишут на меня, чтобы избежать огласки и волокиты по усыновлению.

– А тебе-то ребенок нужен? – спросил он уже заинтересованнее.

– Честно говоря, тоже не очень, я сама с мужем недавно развелась, но мне-то уже двадцать семь, а ей всего шестнадцать. Что же, с таких лет ей жизнь портить? Я заплачу вам, заплачу, сколько скажете! – Говоря это, я положила ногу на ногу, при этом юбка скользнула на сантиметр выше – пока хватит! – и продолжила: – Так что другого варианта нет. Я не могу позволить Дашке уродовать себя, и потом, куда она с маленьким без мужа.

– А ты куда же? – Он встал, прошелся по кабинету, подошел к окну и уставился в него в задумчивости.

О чем он размышлял? Мне нельзя уступать, необходимо убедить его, что для меня главное – сестра, а уж ребенок, коли он появится, мне самой тоже не очень-то нужен, но я буду жертвовать собой... Что же это еще такое сказать поубедительнее?

Прошла минута, другая; похоже, Борис Леонидович на что-то решился. Он повернулся и направился к диванчику, на котором я сидела, пристроился рядышком.

– Танюша, я вижу, ты действительно очень любишь свою сестренку. – Я согласно закивала, почему же мне ее не любить, если у меня ее никогда не было.

Это в мыслях, а вслух:

– Да.

– Но ты знаешь, какую тяжесть хочешь взвалить на свои хрупкие плечики?

– Догадываюсь. – Я вздохнула, мне уже почти стало себя жалко.

– Догадывается она! Ни черта ты не догадываешься, извини! Наследственность-то хоть у ребенка благополучная? – спросил вроде бы невзначай, а заинтересованность сквозила явная.

– Вы имеете в виду здоровье родственников?

Он кивнул и уточнил:

– Психических заболеваний, уродств, туберкулеза, венерических ни у кого?

– Да что вы, Борис Леонидович, – я искренне возмутилась, – у нас отец и мать с научными степенями, интеллигентнейшие люди, и всех бабушек с дедушками знаем. У нас в семье родословную чтут и гордятся ею.

– Это хорошо, но у ребенка ведь и отец был? Непорочным зачатием здесь, как я понял, не пахнет.

– Конечно, отец есть, только ему самому семнадцать, какой из него отец? Родственники его – хорошие знакомые моего бывшего мужа, там с наследственностью тоже все в порядке.

– Танечка, а ты не боишься, что повзрослеет твоя сестра и захочет получить ребенка назад?

– Едва ли, она его уже сейчас ненавидит и давно бы аборт сделала, да я ее удерживаю, о последствиях твержу. Да и сколько брошенных детей в роддоме, а этот худо-бедно пристроен будет.

– Что-то не очень ясно. Тебе самой ребенок тоже не нужен. Тебе, детка, – при этих словах он доверительно положил мне руку на коленку, – всего двадцать семь. Зачем жизнь себе портить? Ты, Танюша, и сама еще родить можешь. Мне бы так хотелось тебе помочь, но не знаю... – Рука его при этом ненавязчиво поглаживала мою ножку. Я делала вид, что не замечаю этого, отнеся это в счет производственных неудобств. – Вот и думаю, – продолжал он, – уж если помогать твоей сестре, то так, чтобы не навредить тебе. Не нужен тебе этот ребенок – и все тут. Может, ты позволишь мне подумать о его дальнейшей судьбе?

– То есть Даша должна его бросить в роддоме? – Я очень искренне оскорбилась.

– Зачем бросать? Я же сказал, что позабочусь о нем. Тем более ты говорила, что мне заплатишь, а тут наоборот: я тебе могу денег подкинуть и заботу о Даше – так ведь зовут твою сестру? – на время беременности взвалю на себя. Наблюдение, если медицинская помощь какая понадобится, да и питание правильное, чтобы наш малыш правильно развивался, да и вообще, могу поселить ее в отдельную квартиру, чтобы перед соседями с животом не рисовалась.

Ого! Вот это понесло мужика: про моего драгоценного несуществующего племянника уже – «наш малыш»! Что-то срочно необходимо ответить, а в голову ничего не приходило. Наконец я произнесла:

– А это законно?

– Танечка, а кто мне тут сейчас взятку предлагал, чтобы я помог ребенка у законной матери забрать? – Он сжал мое колено. – Давай с тобой встретимся в более уединенном месте и подумаем, как лучше помочь твоей сестре. Как ты на это, лапушка, смотришь?

А почему бы не пообещать: все, что надо, я уже узнала, даже больше, и он мне нужен теперь, как дырка в бублике. Судя по его горячему прерывистому дыханию, я поняла: проняло мужика. Встречаться с ним я не собираюсь, но знать, что делается в этом кабинете, вовсе не лишне. Если сделка с Альбертом поначалу представлялась лишь «дружеской помощью», то теперь я поняла: торговля детьми здесь поставлена на конвейер. Мое молчание явно затягивалось, наконец я выдавила:

– По-моему, в отношении будущего ребенка – это оптимальный вариант, но нам действительно лучше обсудить это в другом месте, поэтому все-таки я должна сначала позвонить Даше, а потом договоримся о встрече. Хорошо?

Я поднялась.

– Ты все быстро понимаешь, девочка. – Он тоже встал и сразу оказался в невыгодном положении: его рост позволял ему смотреть на меня только снизу вверх. Судя по всему, отпустить меня Борис Леонидович не хотел и поэтому предложил:

– А ты звони отсюда, я не буду мешать, мне все равно минут на пятнадцать отлучиться надо. О'кей?

– А это удобно?

– Еще как удобно! Располагайся за столом и звони.

Он пошел к двери, а я к столу. Мечта остаться одной в кабинете превратилась в реальность. Телефон его нужен мне только для установки «жучка», и возможность представилась редкостная. Хорошо, что минимальный шпионский набор всегда был при мне. Поскольку в подслушивающих устройствах я профи, «жучок» был помещен на новое место жительства в считанные секунды. Да, но телефон Борис Леонидович с собой не таскает, а он, похоже, ведет интересную жизнь и вне клиники. Он с клиентами здесь едва ли будет общаться. Мое внимание привлек его пиджак, висевший на плечиках. Вот мы и подселим «клопика» под воротник: и незаметно, и удобно. Теперь нужно телефоном потренировать на случай, если он спаренный и Борису Леонидовичу придет на ум подслушать. Звонить я решила в свою квартиру, так как была уверена: там трубку не возьмут. Но неожиданно, едва я успела набрать первые две цифры, дверь распахнулась. В ее проеме стояла гримза. От удивления ее нижняя челюсть буквально отвалилась. Она выдохнула с присвистом от гнева:

– Ты как сюда попала? Так это твоя работа – звонок из бухгалтерии? Ах ты, авантюристка! Вон отсюда!

Я пожала плечами:

– Вон так вон, уйду, но патрону сами объясняйте, почему я ушла.

И, подняв голову, прошествовала мимо нее походкой королевы. Все свои дела я сделала, пусть теперь своему Мальчишу-Плохишу докладывает, как лишила его потенциальной клиентки.

Похоже, до нее все-таки дошло, что полномочия свои она превысила, выгнав меня из кабинета шефа, но не бежать же ей за мной? Напоследок я громко припечатала дверь у нее перед носом и стремительно выскочила в приемную, где чуть не сбила с ног худенькую женщину примерно моего возраста. Но разглядывать ее не стала, уж очень мне хотелось успеть добежать до машины, пока не вернулся «метр с кепкой». Проверим, как аппаратура работает, когда гримзу будут ставить на место.

ГЛАВА 4

Пулей я пронеслась до гардероба, схватила плащ и кинулась бежать к машине, не щадя ног. Теперь побыстрее надеть наушники.

А меж тем в приемной, похоже, разыгралась настоящая баталия между секретаршей и новой посетительницей. Женщина настаивала на встрече с главврачом, Муза Петровна ее выпроваживала, но та тоже без боя сдаваться не собиралась. Спор грозил перейти в рукопашную, но положение спас вернувшийся шеф.

– Что здесь происходит? Почему в мой кабинет дверь нараспашку? Где девушка, которая там оставалась?

Голос Музы Петровны:

– Борис Леонидович, я ее попросила вас в приемной подождать, а она наговорила мне кучу гадостей и ушла. Ненормальная.

Моему возмущению не было предела: это я-то ненормальная?! Вмешаться в разговор невозможно, а то я бы ей показала, где раки зимуют.

А в это время голос Бориса Леонидовича гневно клокотал:

– Вы последнее время несколько превышаете свои полномочия, но об этом поговорим позднее. А вы к кому? – Это к посетительнице, догадалась я.

Женский голос ответил совершенно спокойно, будто не она была участницей горячего спора:

– К вам, к кому же еще? А эта ворона тут раскаркалась, мало того, что ту девушку она выгнала, я видела.

Муза Петровна взвизгнула:

– Да что это такое! Вы лжете! Борис Леонидович, она клеветает на меня!

– Разберемся. Вы пройдите, как вас звать?

– Наталья Ивановна.

Стукнула закрываемая дверь. Слышимость стала просто великолепная. Можно ехать, или все-таки послушать, как «метр с кепкой» с другими посетительницами разговаривает? Не всех же он за колени хватает. Любопытство победило, и я об этом потом не пожалела, так как стала свидетельницей очень интересного разговора.

* * *

– Здравствуйте еще раз, любезнейший Борис Леонидович, я присяду, вы уж не обессудьте. – Скрип стула.

– Садитесь, конечно, но я не имею чести...

– Ну где же ее взять-то, честь, если у вас ее и отродясь, наверно, не было. – Вот это дает!

– Что вы себе позволяете?!

– Я могу себе это позволить, и вы мне за многое ответите. Я – Уварова. Фамилия моя ничего вам не говорит?

Непродолжительное молчание, потом уклончивый ответ:

– Вроде бы нет.

– У вас, оказывается, не только чести нет, но и совести маловато.

– О чем вы, черт вас побери?

– О моей сестренке, это ж вы из нее дуру сделали и ребенка налево сплывили. Сколько на этом поимели?

– Да как вы смее? Я ее помню, сестру, но ребенок у нее умер. Умер! Понятно?!

– Ага... память проснулась, ну и слава богу. Так, говорите, умер? А этот ее супермен? У него-то откуда ребеночек взялся?

– Я не понимаю, о чем вы?

– А может, не хочешь понимать? Зато я понимаю, что не за спасибо ты такие вещи устраиваешь.

– Ну коли вы в курсе романа вашей сестры с суперменом, как вы его назвали, то должны бы знать, что он женат, у него крепкая семья, зачем им «левый» ребенок?

– Жена, значит, а почему же она до этого целых восемь лет не рожала? Или он так все подгадал, что жена и любовница в один день рожать пошли? А что «левые» дети не нужны – это хорошо!

Борис Леонидович решил взять инициативу в свои руки:

– Не понимаю и не хочу понимать, о чем вы здесь толкуете. Выкладывайте, что вас привело ко мне, и до свидания!

Уварова, похоже, нисколько не смутилась:

– Завтра я заберу Ольгу и увезу ее, но мне нужны ее документы и деньги. Минимум тысяч шесть.

– Долларов?

– Каких еще долларов? Рублей!

– У вас богатое воображение, ребенок вашей сестры умер. Денег я вам дам, но не за ребенка, а так как чувствую свою вину, что вовремя не оказал ей психологическую помощь. Я должен был предвидеть...

– Хватит чушь нести! С научной степенью, а слушать тебя противно.

– Наталья... как вас там... Ивановна. Придите завтра в десять утра, только не опаздывайте, меня может потом не быть, я подготовлю все документы и деньги.

– Хорошо, я приду в десять, но, если ты попытаешься меня надуть, отсюда направлюсь прямиком в милицию.

– Не надо мне угрожать, я порядочный человек. До свидания.

В ответ – стук закрываемой дери.

* * *

У меня аж дух перехватило, жаль, я эту женщину не рассмотрела, хотя, думаю, узнаю, когда она выходить будет. Постою здесь еще. Я уже собралась снять наушники, но услышала, что Борис Леонидович набирает номер. Он звонил моим клиентам, это стало понятно, когда на другом конце провода сняли трубку.

– Да.

– Альберт, ты?

– Я. Что случилось, Борис?

– Это у тебя что там, все в порядке? По какому поводу Ольгой интересовался?

– Просто так.

– Давай откровенно. Как себя чувствует мой крестник? – спросил вроде бы непринужденно Берсутский, но натянутость в его голосе явно прослушивалась.

– Боря, если честно, он пропал...

– Кто? Левушка? Ты в милицию, надеюсь, не заявлял?

– Нет, конечно, я нанял частного детектива.

– Что?! Какого детектива? Ты что, охренел? Не понимаешь, что делаешь?!

– Я не знал, что предпринять...

– Мне надо было звонить, мне! В общем, так... Детективу немедленно даешь отбой. Усек? Я думаю, что знаю, где твой сын, и завтра тебе его привезу, так что не дергайся. Связаться с детективом сейчас можешь?

– У меня есть номер ее сотового.

– Ее? Это что, баба, что ли? Ну ладно, срочно звони!

– Спасибо тебе, Боря, что успокоил, извини меня, если доставил тебе неприятности.

– Пока они еще не начались, но могли бы... Все. Отбой.

Мое чуткое ухо сразу уловило дополнительный щелчок перед тем, как была положена трубка. Значит, разговор подслушивал кто-то еще. Но пора и мне действовать. Сейчас будет звонок на мой сотовый. Но уж дудки! Пока все не узнаю, не успокоюсь, тем более я еще не отработала заказные деньги.

В это время открылась дверь отделения больницы, и на крыльцо вышла та самая женщина. Нужно ее запомнить, может пригодиться. Из машины мне было удобно наблюдать за ней. Женщина, посмотрев на часы, немного постояла в раздумье и зашагала к троллейбусной остановке. Может, за ней проследить? А что мне это даст? Да и завтра ей на десять назначено, вот тогда и увижу, а сейчас нужно ехать в психиатрическую больницу, возможно, там и спрятааны концы этой истории. Свидание с неизвестной Ольгой могло пролить свет на похищение Левушки.

Для начала необходимо найти местонахождение клиники. Коренная жительница Тарасова, я прекрасно знала город и ориентировалась в нем, но вот на Алтынке мне бывать не приходилось. Я бы, конечно, не стала нарушать эту прекрасную традицию, но «производственная необходимость»... Достав карту и вычислив кратчайший путь, завела машину и, плавно тронувшись с места, обнаружила, перефразируя Высоцкого, что бензин – ее кровь – на нуле. Пришлось заехать на автозаправочную станцию. Чтобы сократить вынужденное ожидание – даже с подорожанием бензина клиентуры заметно не убавилось, – решила бросить косточки. Сегодня они уже меня один раз выручили, отправив обедать в оригинальное кафе под названием «Улыбка», кривые зеркала которого натолкнули на нестандартное решение. Итак, бросок.

17+2+30 – «Радужные перспективы для тех дел, которые представляют для вас особый интерес».

Значит, я на правильном пути. Спасибо, родные!

Итак, не считая разговора с соседкой, к моему плану добавилось еще три пункта: женская консультация, родильный дом и, наконец, психушка, по направлению к которой я двигалась в данный момент. Милые учреждения – ничего не скажешь. Теперь главное – решить, под какой личиной я должна появиться – сестры? Но она не признает во мне сестру. Подруги? По меньшей мере, должна знать фамилию. Соседки? Увы, даже адреса Ольги я не знаю. Стоп!.. А если... медсестры из роддома, направленной заботливым главврачом, который недавно звонил и спрашивал о здоровье пациентки. Я, конечно, пока только предполагала, как и в случае с медсестрой из детской поликлиники, которую я разыграла перед соседкой Заманских, но если блефовать, то убедительно... К тому же придется прикинуться чайницей, разузнавая фамилию Ольги: перепутала, захватила не ту карточку... Для убедительности можно помахать Софьиной, которая по-прежнему лежала у меня в сумочке.

Ну вот и ладушки. Начало есть, а далее – по вдохновению и обстоятельствам – полный экспромт. Раздумывать уже было некогда: я въезжала на Алтынную гору, основной достопримечательностью которой была психиатрическая клиника. Она включала в себя несколько лечебных корпусов и ряд хозяйственных построек. Припарковав машину, я подошла к самому внушительному на вид зданию. Но увы, это только ларчик просто открывался, я же дергала все двери подряд – и никакого результата: крепость. Выручила женщина в синем халате, направляющаяся к одной из хозпостроек. Я остановила ее вопросом:

– Скажите, пожалуйста, как можно найти больницу?

– А вы пройдите вон к той двери, – показала она рукой. – Там есть кнопочка, звоните.

Кнопка, похоже, тоже была предназначена для того, чтобы испытывать терпение. Я минуты три непрерывно звонила, прежде чем дверь открылась и меня пропустили в комнату посещений больных.

– Вы к кому? – спросила женщина, открывшая дверь.

– Мне надо поговорить с кем-нибудь из персонала женского отделения, желательно с врачом или медсестрой, – изложила я свою просьбу.

– У них сейчас обход, освободятся самое раннее через полчаса, ждать будете? – Она вопросительно посмотрела на меня.

Пришлось резко умерить свои аппетиты:

– Ну а хотя бы санитарочку можно?

– Ну а чего ж нельзя, конечно, можно. – И женщина удалилась.

Может, это и к лучшему: санитарки-то они ближе к больным, а мне на данный момент главное – узнать фамилию Ольги. Пока женщина отсутствовала минуты две, я окинула взглядом комнату для встреч с больными. На скамейках возле столиков сидели пациенты больницы и их гости: кто тихо беседовал, кто усердно подкармливал больных домашней едой, а кто и просто молчал, видимо, не находя тем для разговора, ведь очень трудно разговаривать, глядя в пустые, отсутствующие глаза, а таких здесь было немало.

В комнату вошла пожилая санитарочка. Окинув взглядом присутствующих, она безошибочно остановила на мне взгляд и, подойдя, спросила:

– Это вы хотели поговорить со мной?

– Да, у меня к вам несколько вопросов, – взвешивала я каждое слово. – К вам из роддома поступила женщина, Ольга... Забыла фамилию, сейчас посмотрю в карточке. – Я сделала попытку достать Софью карточку.

– Да не ищи, девонька, – остановила она меня, – у нас тут только одна из роддома-то, Уварова Ольга.

Где-то сегодня я уже слышал эту фамилию, надо потом вспомнить.

– Меня послали из роддома, – продолжила я, – справиться о ее здоровье, я там медсестрой работаю, и с нас требуют отчет с места жительства, куда делась их роженица.

– Три месяца никому не была нужна, да и сейчас небось только из-за этого отчета пришли...

– Как она? – повинно опустив голову, спросила я.

– Ну, это вам лучше поговорить с врачом, мое мнение – сейчас у нее все в порядке. Сначала-то тяжелая была: все воевала, куда-то рвалась, хотела ребеночка забрать, не доходило, видно, до нее, что он умер. Но у нас это быстро лечат: покололи успокоительного – и затихла. – Санитарка сочувственно вздохнула. – А на днях сестра из района приехала – ее вызвали, – так совсем ожила, огонек в глазах появился. Я слышала, что ее готовят к выписке. У нас, если уже не тяжелая да ходят родственники, выписывают быстро – больница-то переполнена. Уж мы-то безработными не будем: каждый год клиентов прибавляется. Эхе-хе, что с людьми-то делают...

Я поблагодарила за беседу и узнала, как зовут врача. Когда санитарка назвала мне фамилию, я еле сдержала улыбку. Дурасова для врача-психиатра, что Косолапова для манекенщицы или Медведев для музыканта. Итак, Дурасова Галина Семеновна. Минут через пятнадцать врач освободилась и пригласила меня в кабинет. Галине Семеновне на вид лет сорок, и выглядела она очень усталой, но, на мое счастье, была вполне нормальной, а то, признаться, ее фамилия и знание того, что почти каждый врач страдает болезнью, которую лечит, настроили было меня на грустный лад.

– Я – медсестра из роддома, – представилась я. – Вам звонил сегодня наш главврач, Борис Леонидович, а потом попросил меня съездить сюда, лично справиться о здоровье Ольги Ува-

ровой и взять справочку для поликлиники по месту жительства, а то они ее уже разыскивают. Как она себя чувствует? – Я вопросительно посмотрела на врача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.